

РУССКИЕ КОНТЕКСТЫ ТВОРЧЕСТВА ШАРЛЯ МОРИСА

Е.Д. Гальцова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; newlen2006@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросу о влиянии «русской моды» на творчество французского писателя-символиста Шарля Мориса (1860–1919), который в 1880-е годы участвовал в переводах произведений Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова на французский язык. Методологической основой статьи является сочетание историко-литературного подхода с изучением функционирования культурных клише в сфере литературных взаимосвязей (русская литература — французская литература). Работа выстроена на малоизученных фактах жизни и творчества Мориса, незаслуженно забытого в современном литературоведении как в России, так и во Франции. Проводится анализ как фактических связей Мориса с культурными посредниками (переводчик Илья Данилович Гальперин-Каминский, дипломат и беллетрист Эжен Мельхиор де Вогюэ), так и общего контекста восприятия русской культуры во Франции в последней четверти XIX в., когда русская литература впервые в истории стала восприниматься как источник вдохновения для французской. Испытывая большое влияние идей Вогюэ, разработанных в книге «Русский роман» (1886), Морис видит в русской литературе отражение своих мистических и социальных концепций. Религиозные поиски Толстого и особенно религиозные и философские представления Достоевского оказали влияние на обращение Мориса в католичество. В статье рассмотрены случаи непосредственной рецепции как представлений о русской литературе, так и творчества отдельных писателей (по преимуществу Достоевского) в литературоведческих книгах Мориса, а также в его художественных произведениях — неоконченном романе «Одинокый дух» (1886) и пьесе «Он Воскрес!» (1911).

Ключевые слова: российско-французские литературные связи рубежа XIX–XX вв.; Шарль Морис; Ф.М. Достоевский; Э.М. де Вогюэ

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-8

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-28-01832 «Русская литература в интеллектуальной жизни Франции рубежа XIX–XX веков». <https://rscf.ru/project/23-28-01832/>

Для цитирования: Гальцова Е.Д. Русские контексты творчества Шарля Мориса // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 103–114.

RUSSIAN CONTEXTS OF THE WORKS OF CHARLES MORICE

E.D. Galtsova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; newlen2006@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the influence of ‘Russian fashion’ on the work of the French symbolist Charles Morice (1860–1919), who in the 1880s participated in translations of F.M. Dostoevsky’s and N.A. Nekrasov’s writings into French. The methodological basis of the article is the combination of a historical and literary approach with the study of the essence of cultural clichés in the field of literary relationships (Russian literature — French literature). The article is built on the little-studied facts of the life and work of Morice, undeservedly forgotten in modern literary criticism both in Russia and in France. The analysis of the actual connections of Morice with cultural mediators (translator Ilya Danilovich Halperin-Kaminsky, diplomat and novelist Eugène Melchior de Vogüé), and the general context of the perception of Russian culture in France in the last quarter of the 19th century, when Russian literature for the first time in history began to be perceived as a source of inspiration for French. Being greatly influenced by the ideas of Vogüé, developed in the book *Russian Novel* (1886), Morice sees in Russian literature a reflection of his mystical and social concepts. Religious searches of Tolstoy and especially religious and philosophical ideas of Dostoevsky were influential in the conversion of Morice to Catholicism. The article deals with cases of direct reception of both ideas about Russian literature and the work of individual writers (mainly Dostoevsky) in the literary books of Morice, as well as in his works, the unfinished novel *The Lonely Spirit* (1886) and the play *He is Risen!* (1911).

Keywords: Russian-French literary relations at the turn of the 19th–20th centuries; Charles Morice; F.M. Dostoevsky; E.M. de Vogüé

Funding: The research is supported by Russian Science Foundation, project N 23-28-01832 *Russian Literature in the Intellectual Life of 19th-century France*. <https://rscf.ru/project/23-28-01832//>

For citation: Galtsova E.D. (2023) Russian Contexts of the Works of Charles Morice. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 103–114.

Французский писатель, поэт и эссеист Шарль Морис (1860–1919) был влиятельной фигурой литературного процесса во Франции рубежа XIX–XX вв., прежде всего символизма и декаданса, однако его имя потерялось на фоне созвездия всемирно прославленных поэтов, таких как Поль Верлен, Стефан Малларме и др. Еще одной причиной забвения, вероятно, было его мировоззрение, которое с годами становилось все более консервативным, и поэт оказался вне интеллектуального мейнстрима Франции. После смерти Мориса вышло относительно мало работ, посвященных его жизни и твор-

честву¹, и за последние полвека появилось лишь несколько статей. Морис, сыгравший большую роль в публикации произведений Верлена² в 1880-е годы, в том числе его книги «Проклятые поэты», а также в философском осмыслении творчества Поля Гогена, которому он посвятил несколько книг, был интересен не только своим вкладом в развитие культуры символизма и декаданса, но и участием в создании, совместно с И.Д. Гальпериным-Каминским, первых переводов произведений Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова на французский язык («Записки из подполья» и «Хозяйка» [Dostoïevsky 1886], «Братья Карамазовы» [Dostoïevsky 1888b], «Чужая жена и муж под кроватью» [Dostoïevsky 1888a]³, сборник избранных стихотворений и поэм Некрасова [Nekrassov 1888]). В данной статье мы хотели бы восполнить некоторые лакуны в изучении взаимоотношений между творчеством Мориса и русской культурой.

Морис оказался среди создателей так называемой «русской моды» в 1880-е годы во Франции. Значение этой культурной и интеллектуальной «моды» трудно переоценить: подобного интереса к русской культуре до того времени не было, несмотря на все усилия французских романтиков, увлеченных «иными далями», и И.С. Тургенева, занимавшегося продвижением русской литературы во Франции и Германии. Во Франции интерес к «другой» культуре усиливался на фоне настроений «декаданса» начиная, как минимум, с 1870-х годов, и тогда постепенно формировались новые «географические» ориентиры, среди которых прежде всего Скандинавия и Россия, а также Бельгия, писатели которой, впрочем, не нуждались в переводе на французский язык. Интерес к России подогревался и долгой дипломатической подготовкой франко-российского союза (1894). Именно один из бывших дипломатов — Эжен Мельхиор де Вогиюэ — создает книгу-бестселлер «Русский роман» (1886), обусловившую в том числе и издательскую политику: в 1880-е годы выходят десятки переводов произведений Толстого, Достоевского, а также продолжают публикации произведений Тургенева. Отметим сразу, что первые переводы Толстого и Достоевского не претендовали на точность, более того, многие из них так и назывались — «адаптации», могли быть случаи компиляции нескольких книг в одну или больших сокращений, и упомянутый Гальперин-Каминский, соавтор Мори-

¹ Из относительно фундаментальных работ Морису посвящены лишь две небольшие франкоязычные монографии: [Lefebvre 1926; Delsemme 1958]. Тем не менее, ему нашлось место в выпущенной в 1993 г. Г.К. Косиковым антологии «Поэзия французского символизма», где представлены отрывки из его эссе «Литература нынешнего дня» [Поэзия французского символизма 1993].

² См., например, работу Жоржа Зейда: [Verlaine 1964].

³ Возможно, Морис участвовал также и в переводе «Кроткой», но книга вышла в 1886 г. за подписью только одного переводчика — Гальперина-Каминского.

са, как раз славился своей свободой при работе с текстами. После выхода «Русского романа» Россия стала восприниматься как культурная страна, литература которой может стать образцом для французской. Вогюэ писал о русских литераторах: «Так давайте же подражать им!» [Вогюэ 2010: 533–534]. Причем речь не идет о формальном образце: для Вогюэ именно русская литература оказывается носителем тех ценностей, какие абсолютно необходимы французской, «погрязшей» в позитивизме, пессимизме, нигилизме, бездуховном реализме и низменном натурализме, что было, как считал Вогюэ, логическим следствием деятельности просветителей XVIII в., разрушивших культуру и нравственность. Такова общая схема резкой смены парадигмы межкультурных взаимоотношений. Моральные и духовные ценности русской культуры Вогюэ связывал с постромантическим понятием «русской души», или «загадочной русской души», противоречивой, мятущейся, но неизменно милосердной, преисполненной христианской любви. Разумеется, «русская душа» — это прежде всего культурный стереотип, и в последней трети XIX века он прекрасно отвечал надеждам французской культуры на обновление. Он не точен, а в некотором смысле «мистичен», «синтетичен» и «суггестивен», совпадая с механизмами функционирования символистской образности; в идеологическом плане он соответствовал тенденциям модернизации западного христианства, что, разумеется, свидетельствует о существенном несоответствии «русской моды» во Франции и тому содержанию, каким русские классики обладали в рамках российской культуры. Именно в таком виде русская культура оказывается почти неотъемлемой частью культуры французского символизма и декаданса.

Как происходила совместная работа переводчиков — Гальперина-Каминского и Мориса? Морис переделывал подстрочник Гальперина-Каминского, который, в свою очередь, занимался не только переводом, но и адаптацией произведений русских писателей. Гальперин-Каминский (1858–1936)⁴, почти ровесник Мориса, начал свою творческую деятельность во Франции около 1880 года, когда приехал из Севастополя в Париж на учебу. В этот момент он сразу же начинает писать популяризаторские статьи о России, а также переводить повести и рассказы Толстого и Тургенева. Отметим сразу, что в 1880-е годы Гальперин-Каминский оказывается одним из самых плодовитых переводчиков с русского языка, благодаря чему у него складывается репутация «профессионального переводчика» (хотя в университете он изучал естественные науки). Он со-

⁴ О Гальперине-Каминском см., например: [Полонский 2019; Строев 2023].

трудничал со многими издательствами, но больше всего с издательством «Плон-Нурри» (Plon, Nourrit et Cie). Однако переводил он не один, ему нужны были носители языка, желательно литераторы, чтобы сделать тексты привлекательными для читателей. У нас нет точных сведений о том, при каких обстоятельствах он познакомился с Морисом, но в 1880-е оба они были активными участниками литературных журналов, и можно предположить, что именно в этой среде и состоялась их встреча.

Воспитанный в духе католицизма Морис, проведший свою юность по преимуществу в Лионе, приехал в Париж в 1882 г., причем фактически это было бегство от родителей, и он был вынужден срочно искать заработок. Поэт оказался среди создателей литературного еженедельника «Ла нувель рив гош» (с 1883 г. он будет называться «Лютес»), организованного Лео Трезеником и Жоржем Ралем: здесь будут опубликованы произведения Верлена, Артюра Рембо, Стефана Малларме, Рене Гиля и т. д., журнал станет одним из популяризаторов как символистских, так и декадентских тенденций, в нем процветают свобода творчества и нон-конформистские тенденции в сфере как литературы, так и социального устройства. Литературная репутация молодого Мориса отличается радикальностью, почти «революционностью» — ему нравится поиск новых форм, он увлечен новыми мистическими течениями, он демонстрирует свою разочарованность в христианстве. Работа с Гальпериным-Каминским была для Мориса, прекрасного стилиста, одним из способов получения средств к существованию.

Сохранилось мало свидетельств о том, как конкретно происходил процесс перевода, но отношения Мориса с Гальпериным-Каминским были не самыми идиллическими. В 1886 г. они выпустили книгу «Подпольный дух» (компиляция «Хозяйки» и «Записок из подполья» Достоевского) и поссорились. Об этом Морис пишет своему другу Франсуа Коппэ: «Мой русский соавтор обманул меня, он нашел кого-то, кому будет платить только треть дохода, а не половину, как мне» [Mouval 1929: 419]. Однако после публикации «Подпольного духа» ситуация меняется. Морис оповещает об этом Коппэ, у которого ему пришлось взять займы денег для лечения дочери. «В ближайшие дни я принесу Вам свой перевод “Подпольного духа” Достоевского. Не знаю, читали ли Вы в Ля Ревю де де Монд лестные вещи, которые говорил обо мне Г-н де Вогюэ (он у нас Первосвященник руссомании). Они возымели благотворное воздействие на моего соавтора, с которым я поссорился, о чем я Вам уже рассказывал, как мне кажется, и он снова обратился ко мне. Переводы гарантируют мне получение достаточных сумм в этом году, и я счастлив

надеяться, что я скоро смогу вернуть Вам то, что Вы мне любезно одолжили» [Monval 1929: 419].

Приведем отрывок из упомянутой статьи Вогюэ:

«Морис принадлежит к молодой школе писателей, осуществляющей, с большой убежденностью в своей правоте, преобразование нашего бедного языка. Я читал что-то из его прозы, и даже иногда понимал, что читаю, но с трудом. Я опасался, что новатор захочет применить свою эстетику к интерпретации романа Достоевского. Я дрожал... И вот мне приносят “Подпольный дух”: я с опасением открываю книгу, стараясь избавиться от предубеждения, и я скоро вынужден признать, что должен лишь приветствовать самый что ни на есть сильный перевод, самый художественный из всех переводов этого автора. Лишь в некоторых местах возникают рискованные слова, некоторые революционные веяния» [Vogüé 1886: 840].

Однако, как замечает Вогюэ, недочеты невелики, но в целом «это страницы, созданные для радости уха и глаз». «Но почему Морис применил свой дар к одному из самых проблематичных произведений романиста? При чтении этого текста я мечтаю о том, что могло бы сделать столь плодотворное перо с “Записками охотника” Тургенева — драгоценностью, которую мы получили в виде жалкой имитации⁵. Но здесь, наверное, мы не сойдемся во мнении. Г-н Морис, вероятно, не уважает Тургенева, и я опасаясь, что он выбрал “Подпольный дух”, потому что видел в нем символическое произведение, в то время как я вижу в нем лишь утрированные наваждения» [Vogüé 1886: 840].

Вогюэ создает образ Мориса как радикального интерпретатора явно для того, чтобы еще сильнее заинтриговать современного ему читателя, увлеченного новыми тенденциями во французской культуре, преддекадансом и предсимволизмом, экспериментами с прозаической формой и т. д. Однако при ближайшем рассмотрении перевод оказывается очень приглаженным, из него были изъяты особенно жестокие описания, например размышление о Клеопатре. Текст Достоевского претерпел большие изменения: «Подпольный дух» — это компиляция «Хозяйки» и «Записок из подполья», благодаря чему книга стала более логичной и похожей на роман. Название — чистая фантазия переводчиков, но очень «суггестивная» и «ценностная» одновременно: «подпольный дух» — это страшный

⁵ «Записки охотника» были переведены впервые на французский язык в 1854 г. Эрнестом Шарьером, Тургенев был недоволен этой работой и лично курировал второй перевод, который был сделан в 1858 г. Анри-Ипполитом Делаво. Вероятно, Вогюэ не нравились оба перевода. Морис так никогда и не участвовал в переводе «Записок охотника», однако Гальперин-Каминский дал свою версию тургеневского сборника в 1926 г.

и загадочный дух зла, а зло заключается в чрезмерном умствования рассказчика «Записок из подполья». Отзыв Вогюэ, который в книге «Русский роман» высоко оценил «Записки из подполья», выстроен не без лукавства: он нарочито вписывает книгу в модные в декадентской среде тенденции, как, например, увлечение творчеством Э. По. «Когда романист пытается поупражняться в фантастическом жанре, как Эдгар По, в случае с “Подпольным духом” он оказывается ниже себя самого. Неуловимые существа, участвующие в этой галлюцинаторной сарабанде, даже не касаются земли...» [Vogüé 1886: 839]. В итоге Вогюэ говорит: «Это лишь неуклюжий набросок ситуации, который впоследствии будет переделан Достоевским в одно из лучших его полотен — любовь Сони и Раскольникова». Из этого отзыва создается впечатление, что перевод и компиляция создавались без ведома Вогюэ, что вполне возможно, но книга была сделана точно по «канонам» его книги «Русский роман».

Благодаря или вопреки Вогюэ, но судьба адаптации была очень счастливой, несмотря на то, что начиная с 1909 г. во Франции будет опубликовано более десятка значительно более точных переводов «Записок из подполья»: книга была практически сразу переведена с французского на нидерландский, а потом на итальянский, испанский и португальский языки, и последний итальянский перевод вышел в начале 1930-х годов. Во Франции в 1912 г. была сыграна пьеса А.-Р. Ленормана «Подпольный дух», а в 1929 г. вышел слегка исправленный перевод, который был подписан одним Гальпериным-Каминским; впоследствии этот текст (с новыми исправлениями или без них) неоднократно переиздавался⁶.

В 1888 г. в переводе Гальперина-Каминского и Мориса выходит повесть «Чужая жена и муж под кроватью», а также «Братья Карамазовы» — снова в форме адаптации: на этот раз текст Достоевского был сокращен до двух томов. Но и эта адаптация не была забыта, ее не только переиздавали (при наличии новых и более точных переводов), но и сыграли в театре в 1911 г., и сделанная по этому случаю инсценировка Жака Копо и Жана Круэ была востребована на мировой сцене вплоть до середины XX в. В том же 1888 г. выходит и сборник поэзии Некрасова, в предисловии к которому Вогюэ пишет и о Морисе, и о Гальперине-Каминском как о бесспорно лучших переводчиках своего времени. Любопытно, что, хотя для католика и традиционалиста Вогюэ Некрасов вовсе не является воплощением «русской души», Вогюэ пытается притянуть его к символизму, то есть максимально использовать репутацию Мориса-символиста,

---

⁶ Более подробно см.: [«Записки из подполья» в культуре Европы и Америки 2021].

настаивая на том, что образы Некрасова максимально «обобщены». С другой стороны, разговор о Некрасове позволяет Вогюэ продолжить свои размышления об особенном «реализме» в русской литературе, который он резко отграничивает от любых аналогичных явлений французской литературы.

К концу 1880-х постепенно меняется и мировоззрение Мориса, оно становится менее радикальным, в нем преобладает мистицизм, и можно сказать, что начинает выкристаллизовываться традиционалистская тенденция, в результате которой он будет постепенно возвращаться в лоно католической церкви. Еще можно предположить, что интенсивная работа над переводами Достоевского и Некрасова могла на него повлиять. Мы обозначим здесь лишь некоторые векторы этого возможного влияния.

В 1889 г. Морис публикует книгу «Литература нынешнего дня», благодаря которой, вкупе с публикациями, связанными с Верленом, он становится одним из авторитетных критиков своего времени. Он возводит современную литературу к двум основополагающим фигурам — Шатобриану (автору «Гения христианства»), воплощающему «мистический дух», и Гёте (автору «Фауста»), воплощающему «научный дух» [Morice 1889: 176]. В центре современности пребывает Рихард Вагнер с его идеей синтетического искусства, а вершиной является творчество Стефана Малларме. Обычно эту книгу воспринимают как воплощение культуры «идеализма» и «символизма», но она значительно шире одной тенденции, она сама по себе — некий синтез самых разнонаправленных тенденций.

Морис упоминает здесь и о выдающемся «критике» Вогюэ — «с традиционными принципами и современным вкусом», умеющим сочетать «уважение прошлого и нетерпеливую жажду будущего». Как пишет Морис, он открыл «потрясающую литературу — горькую, резкую и нежную, наивную и сложную, спиритуалистическую, сентиментальную и чувственную, пылающую любовью, экстатически расширяющейся до сострадания, но при этом жестокой и такой сладостной!» [Morice 1889: 264]. Достоевский и Толстой (чьи представления о христианстве очень интересовали Мориса в этот период его жизни и творчества) — самые яркие представители литературы этого «молодого народа». И потенциально именно русская литература очень близка той новой французской, о которой пишет Морис: «Молодая французская литература приветствует ее как свою естественную союзницу, узнавая в ней осуществление некоторых из своих самых заветных желаний, а также получая благотворный урок простоты и интенсивной силы» [Morice 1889: 264]. Если, переводя «Записки из подполья», Морис по-доброму иронизирует над Вогюэ, то здесь он сам выступает в роли «руссомана».

Отметим также неоднозначные размышления Мориса о «реалистическом искусстве» [Delsemme 1958: 193], понимаемом им и в смысле «синтеза» искусств, о котором он сам мечтает, и в более простом варианте — как банальный реализм, отражение действительности, которое подвергает суровой критике. Этот первый смысл понятия «реализм» совпадает с размышлениями Вогюэ о русском реализме в его знаменитой книге.

Из самых разнообразных откликов на книгу Мориса приведем один — иронический и, возможно, даже злобный, в котором окартинено его русофильство. Жорж Бонамур под псевдонимом Нашетт написал заметку «Шарль Морис. Преприимчивый плагиатор»:

«Сапогами — русский, легкомыслием — марседец, хитроумностью — грек. Его опьяняет гений других: он ворует у Гёте, грабит Флобера, очищает Шатобриана. <...> Нынешний день — Никогда» [Nachette 1890: 10].

Отметим только, что «сапоги» являются не только распространенным клише, связанным с Россией еще с эпохи наполеоновских войн, но и некоей «основой», связью с почвой, что соотносится с размышлениями Вогюэ о мистической «почве» в предисловии к «Русскому роману».

В 1893 г. Морис выпускает еще одну теоретическую книгу, в которой можно услышать отзвуки русской темы. «Религиозный смысл поэзии» (название можно перевести и как «Религиозное чувство поэзии») состоит из двух трактатов: «О слове “поэзия”» и «Социальный принцип Красоты». В очередной раз развивая идеи жизнотворчества Малларме и По и формулируя их в виде уравнения «Искусство = жизнь», Морис утверждает: «поэт — это тот, для кого настоящее существует» [Morice 1893: 20]. Понятие «жизни» преисполнено у Мориса и мистицизмом, и буквализмом, особенно когда он говорит о театре, используя выражение «la vie vivante» («живая жизнь»), которое можно было бы рассматривать в том числе и как ассоциацию с «Записками из подполья» Достоевского, а также философскими исканиями того времени. Представления о «прекрасном» и «духовном» явно перекликаются с эстетическими размышлениями Достоевского, которые должны были быть хорошо известны Морису хотя бы благодаря работе над переводом «Братьев Карамазовых». Однако имя Достоевского в этой книге не возникает.

В 1893 г. Морис публикует небольшую книгу, посвященную франко-русскому союзу [Morice 1893], в которой он предсказывает русскую революцию.

В 1911 г. Морис объявляет о своем возвращении в лоно католической церкви и публикует пьесу «Он Воскрес!» [Morice 1911]. Как утверждает исследователь Дельсем, идея «современного Христа

связывалась во французской культуре в том числе и с Достоевским и Ренаном» [Delsemme 1958: 105].

В заключение обратимся к раннему недописанному роману Мориса, который он создавал еще в середине 1880-х годов, когда работал над «Подпольным духом». Мы можем только предполагать, случайна или нет переключка в названии этого романа, «Одинокий дух», с публикацией повестей Достоевского. Роман был частично (две книги из трех) опубликован в журнале «Ла ревью контемпорен» (*La Revue contemporaine*) в мае и июне 1886 года [Morice 1886] и так и остался незавершенным. Однако опубликованный текст уже позволяет проводить не только типологические, но и вполне исторические параллели с текстами Достоевского, и в том числе с «Записками из подполья». Критики называли произведение Мориса «умственным романом» [Monval 1929: 419], и это вполне совпадает с первоначальной интерпретацией «Записок из подполья», в которых, помимо эксцессов непредсказуемой «души», критики (да и сами переводчики) видели постромантические блуждания чрезмерно рефлексирующего персонажа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вогюз Э.-М. де*. Русский роман. Предисловие / Пер. С.Ю. Васильевой под ред. П.Р. Заборова // К истории идей на Западе.: «Русская идея» / Ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликова. СПб, 2010. С. 499–503.
2. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М., 2021.
3. Пoesия французского символизма / Сост. К.Г. Косиков. М., 1993.
4. *Полонский В.В.* Gallo-Rossica: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XX века. М., 2019.
5. *Строев А.Ф.* Литературные судьбы русских писателей во Франции. М., 2023.
6. *Dostoïevsky Th.* Celle d'un autre / Trad. du russe par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice. Paris, 1888a.
7. *Dostoïevsky Th.* L'esprit souterrain / Trad. et adapté par E. Halpérine et Ch. Morice. Paris, 1886.
8. *Dostoïevsky Th.* Les frères Karamazov / Trad. et adapté par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice. 2 vol. Paris, 1888b.
9. *Delsemme P.* Un théoricien du Symbolisme, Charles Morice. Paris, 1958.
10. *Lefebvre L.* Une grande figure du Symbolisme : Charles Morice. Paris, 1926.
11. *Monval J.* Charles Morice et François Coppée, d'après des lettres inédites // Le Correspondant. 10 mai 1929. P. 413–430.
12. *Morice Ch.* Du sens religieux de la poésie... Genève, Paris, 1893.
13. *Morice Ch.* Il est ressuscité! Paris, 1911.
14. *Morice Ch.* L'Alliance franco-russe. Bruxelles, 1893.
15. *Morice Ch.* L'esprit seul // La Revue contemporaine. Mai et juin 1886. P. 40–64, p. 174–196.
16. *Morice Ch.* La littérature tout à l'heure. Paris, 1889.
17. *Nachette.* Charles Morice, interpréteur des plagiatés // La Plume. 15 mars 1890. P. 10.

18. Nekrassov N. Poésies populaires / Trad. E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice, et précédées d'une étude sur Nekrassov par le Vte E.-M. de Vogüé. Paris, 1888.
19. Verlaine P. Lettres inédites à Charles Morice / Publiées et annotées par Georges Zayed. Genève, Paris, 1964.
20. Vogüé E.-M. Les Livres russes en France // Revue des Deux Mondes. 1886. 3e pér. T. 78. P. 823–841.

REFERENCES

1. Vogyue E.-M. de. Russkij roman. Predislovie [Russian Novel. Preface] / Per. S.YU. Vasil'evoj pod red. P.R. Zaborova // K istorii idej na Zapade.: «Russkaya ideya» / Red. V.E. Bagno i M.E. Malikova. Saint Petersburg: *Petropolis Publ.*, 2010. P. 499–503. (In Russ.)
2. «Zapiski iz podpol'ya» F.M. Dostoevskogo v kul'ture Evropy i Ameriki [“Notes from Underground” by F.M. Dostoevsky in the Culture of Europe and America] / Otv. Red. E.D. Gal'cova (Galtsova). Moscow: *IWL RAS Publ.*, 2021. 1024 p. (In Russ.)
3. Poeziya francuzskogo simvolizma [Poetry of French Symbolism] / sost. K.G. Kosikov. Moscow: *Izdatelstvo moskovskogo universiteta Publ.*, 1993. 508 p. (In Russ.)
4. Polonskij V.V. Gallo-Rossica: Iz istorii russko-francuzskih literaturnyh svyazej konca XVIII — nachala XX veka [Gallo-Rossica. From the History of Russian-French Literary Connections (late 18th — early 20th centuries)]. Moscow: *IWL RAS Publ.*, 2019. 415 p. (In Russ.)
5. Stroev A.F. Literaturnye sud'by russkikh pisatelej vo Francii [Literary fates of Russian writers in France]. Moscow: *Litfakt Publ.*, 2023. 320 p. (In Russ.)
6. Dostoïevsky Th. Celle d'un autre / Trad. du russe par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice. Paris: *Plon*, 1888a. 261 p.
7. Dostoïevsky Th. L'esprit souterrain / Trad. et adapté par E. Halpérine et Ch. Morice. Paris: *Plon*, 1886. 298 p.
8. Dostoïevsky Th. Les frères Karamazov / Trad. et adapté par E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice. 2 vol. Paris: *Plon*, 1888b. 291, 322 p.
9. Delsemme P. Un théoricien du Symbolisme, Charles Morice. Paris: *Nizet*, 1958. 276 p.
10. Lefebvre L. Une grande figure du Symbolisme: Charles Morice. Paris: *Perrin*, 1926. 224 p.
11. Monval J. Charles Morice et François Coppée, d'après des lettres inédites. *Le Correspondant*. 10 mai 1929. P. 413–430.
12. Morice Ch. Du sens religieux de la poésie... Genève, *Eggimann*, Paris: *Vanier*, 1893. 104 p.
13. Morice Ch. Il est ressuscité! Paris: A. *Messien*, 1911. 247 p.
14. Morice Ch. L'Alliance franco-russe. Bruxelles: *Imprimerie Lefebvre*, 1893. 34 p.
15. Morice Ch. L'esprit seul. *La Revue contemporaine*. Mai et juin 1886. P. 40–64, 174–196.
16. Morice Ch. La littérature tout à l'heure. Paris: *Perrin*, 1889. 384 p.
17. Nachette. Charles Morice, interpréneur des plagiats. *La Plume*. 15 mars 1890. P. 10.
18. Nekrassov N. Poésies populaires / Trad. E. Halpérine-Kaminsky et Ch. Morice, et précédées d'une étude sur Nekrassov par le Vte E.-M. de Vogüé. Paris, *Perrin*, 1888. 262 p.
19. Verlaine P. Lettres inédites à Charles Morice / Publiées et annotées par Georges Zayed. Genève: *Droz*, Paris: *Minard*. 1964. 155 p.
20. Vogüé E.-M. Les Livres russes en France. *Revue des Deux Mondes*. 1886. 3e pér. T. 78. P. 823–841.

Поступила в редакцию 05.06.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 07.09.2023

Received 05.06.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 07.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Гальцова Елена Дмитриевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая научной лабораторией Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; newlen2006@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena Galtsova — Prof. Dr., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; newlen2006@mail.ru